




Женщины АБСОЛЮТА



Жизнеописания
и наставления
женщин-святых
разных духовных
традиций мира



ЛАЛЛЕШВАРИ
ПЕЛАГИЯ
ХАЗРАТ БАБАДЖАН
АНАНДАМАЙИ МА
АНАСУЯ ДЭВИ
ШЬЯМА МАТАДЖИ
КРИШНАБАИ



ИСТОЧНИКИ ЖИВОЙ ИСТИНЫ

Константин Кравчук
Женщины Абсолюта
Серия «Источники живой истины»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8333207
Женщины Абсолюта: Ганга; Москва; 2014
ISBN 978-5-906154-64-4

Аннотация

В книгу включены истории жизни и наставления семи очень необычных женщин, представляющих различные духовные традиции, живших в разные исторические периоды. У столь непохожих друг на друга, у них есть одно общее качество – опьяненность Богом и поглощенность Им. Глубоко почитаемые в духовном мире, они несут свет истинного постижения, демонстрируя своим примером возможность раскрытия бесконечного потенциала, скрытого в каждом человеке.

Содержание

Предисловие редактора	4
Лаллешвари	6
Наставления Лаллы	20
Хвала Лалле[17]	34
Пелагия	37
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Женщины Абсолюта (редактор-составитель К. Кравчук)

Предисловие редактора

*Сделай свое сердце местом поклонения Любви,
Заполни его благоуханием покоя,
Зажги в нем светильник мудрости,
Укрась его цветами радости.
И тогда высший экстаз полностью завладеет
тобой
И сделает образом самого Бога.
Папа Римский*

Так уж сложилась, что на духовном поприще у нас царят в основном мужчины – они основывают религии, создают всевозможные учения, пишут тексты, комментарии к ним, комментарии к комментариям, сравнивают и категоризируют, отстаивают свою правоту в нескончаемых интеллектуальных баталиях, фехтуя оружием логики и «здорового смысла», доказывают превосходство своих доктрин, поучают, наставляют.

Женщинам же активность такого рода не свойственна, и они редко получают широкую известность в роли духовного

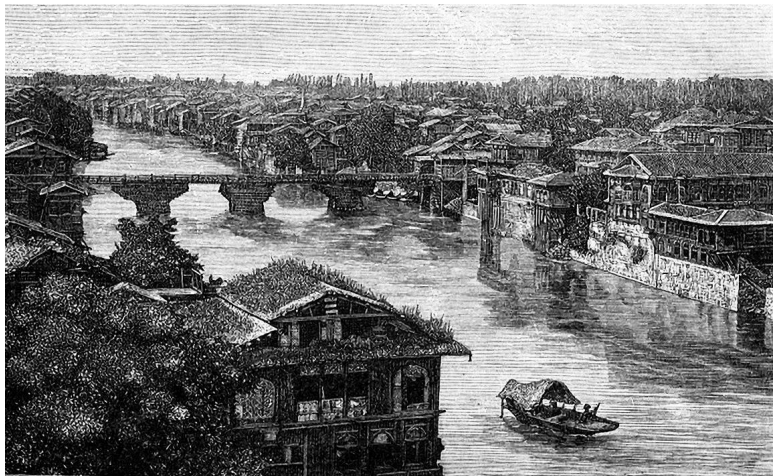
учителя или лидера.

И потому складывается впечатление, что духовных высот достигают, как правило, мужчины. Но это не так.

В этот сборник включены истории жизни и наставления семи очень необычных женщин, принадлежащих разным эпохам. У них, столь непохожих друг на друга, есть одно общее качество – опьяненность Богом и поглощенность Им.

Они – редкие цветы, источающие благоухание несомненного глубокого постижения, не нуждающегося ни в какой категоризации, не застывающего ни в какую доктрину. И благоухание это распространяется путями Любви, которые, как говорят, неисповедимы.

Лаллешвари



Изображений Лаллешвари не сохранилось. На рисунке кашмирская столица Шринагар (гравюра 1877 г.)

Лалла — яркая звезда в плеяде поэтов-мистиков средневековой Индии, таких как Мирабаи, Кабир, Тулсидас, создательница мистической поэзии *вакх*¹, оказавшая сильное влияние на развитие кашмирской литературы. Вышедшая за ограничения отнесения себя к тому или иному религиозному направлению, она равно высоко почитается и мистика-

¹ Буквально «речь». — Здесь и далее примечания редактора.

ми-индуистами, и суфиями, и иными ищущими подлинное. Лалла появилась на свет в брахманской семье в Кашмире в начале XIV века и оставила тело приблизительно в 1370–х годах. Ее точные даты рождения и смерти неизвестны. В возрасте 12 лет ее выдали замуж и дали ей новое имя – Падмавати. Однако в своих стихах она использует только свое имя до замужества – Лалла. В народной памяти она предстает под двумя именами – Лаллешвари и Лал Дэд (Мать). В персидских летописях она известна как Лалла Арифа. Ее замужество не было счастливым – свекровь обращалась с ней очень жестко, а муж часто впадал в ярость и вымещал ее на жене. В доме мужа ее никогда не кормили вдоволь.

На обед свекровь подавала ей на тарелке камень, прикрыв его тонким слоем риса, так что порция выглядела большой. Лалла молча, безропотно съедала поданное «блюдо».

Уже в раннем возрасте привлеченная к духовному поиску, Лалла была погруженной в себя и не выказывала интереса к мирскому. Сиддха Шрикантха, учитель кашмирского шиваизма, посвятил ее в *шайва*-йогу. Начав практику и продвинувшись в ней, она превзошла своего учителя.

Согласно легенде, Лалла ходила перед рассветом к реке с кувшином – принести воды. Перед тем как наполнить кувшин водой и вернуться с ним обратно, она пересекала реку – почтить святыню Натха Кешава Бхайравы. Заподозрив ее в неверности, в один из дней муж тайно последовал за ней. Он обнаружил ее сидящей в одиночестве на берегу реки и

медитирующей. Придя в ярость от увиденного, он вернулся домой. Когда Лалла подошла к дому с кувшином воды на голове, муж в гневе ударил по нему палкой. Кувшин разбился, но, по легенде, вода чудесным образом не пролилась, а осталась у нее на голове. Лалла невозмутимо вошла в дом и разлила воду по всем сосудам, наполнив их до краев. Оставшуюся воду она вынесла наружу и выплеснула на землю – там образовался пруд ². После этого случая она оставила дом и семью, став бродячим аскетом. Порвав все прежние связи, в знак отречения от мирского она сняла с себя одежды и стала странствовать обнаженной. Ей было 24 года.

Мой гуру дал мне только один совет —
Обратить внимание вовне вспять.
Запечатлев его в сердце,
Обнажившись, я начала странствовать.

В этих странствиях Лалле пришлось столкнуться с жестоким отношением общества, в основной своей массе не приемлющего столь «бесстыдного» поведения. В начале своего мистического путешествия она то воспаряла к высотам Духа, то погружалась в жалость к себе, пока в конце концов не обрела упроченности пребывания в своей истинной природе.

Цепи замешательства будут разорваны,

² Позднее названный «Лалла-траг» (Пруд Лаллы). Утверждают, что он был полон воды многие столетия.

Когда я смогу выносить насмешки и слова глумления.
Покров жалости к себе сторит в огне,
Когда неудержимый скакун ³ внутри будет обуздан.

* * *

Я, Лалла, начала надеяться расцвести подобно цветку
хлопчатника.

Очищающий хлопок и Чесальщик нанесли мне жесткие
удары.

После того как Прядильщик скрутил меня в тонкую
пряжу,

Я была растянута на ткацком станке в лавке Ткача.

После того как Прачка отбил меня о плоский камень ⁴,
Натерев мыльным камнем и омыв водою,
А Портной раскроил ножницами,
Я, Лалла, достигла высочайшего блаженства.

Есть такая история. Однажды уличные мальчишки стали
глумиться над ней. Добросердечный хозяин лавки, торгую-
щей тканями, увидев это, прогнал их прочь. И тогда Лалла
попросила его одолжить ей длинный кусок ткани, разрезать

³ То есть ум.

⁴ Так в Индии простолюдины стирают белье, причем стирают, как правило,
мужчины.

его на 2 равные части и каждую взвесить. И затем набросила один из кусков на свое левое плечо, а другой на правое и пошла по улице. На каждый оскорбительный оклик она завязывала узел на правом куске ткани, а на уважительный – на левом. К вечеру она вернулась в эту лавку и отдала куски ткани хозяину, попросив его вновь взвесить их по отдельности – вес каждого оказался таким же, как и раньше. Число «узлов оскорбления» и «узлов уважения» никак не повлияло на вес каждого куска. Так она дала понять доброму заступнику свою незатронутость ни насмешками, ни проявлениями уважения.

Даже если тысячи оскорблений обрушатся на меня,
Это не заденет мое Сердце.
Если я предана всенаполняющему Шанкаре⁵,
Зола не загрязнит Зеркало.

Будучи преданной Шиве, используя практики шайва-йоги, Лалла все глубже продвигалась в своем мистическом путешествии в глубины Себя.

По легенде, однажды в полнолуние Лалла вошла в комнату, встала в глиняный горшок и надела на голову другой такой же. В процессе убывания луны ее тело уменьшалось в размерах, а на пятнадцатый лунный день два горшка – верхний и нижний – соединились. Ее учитель Шрикантха, при-

⁵ Одно из имен Шивы.

подняв верхний, увидел вибрирующую «ртуть» внутри. С ростом луны тело Лаллы стало увеличиваться, пока на полнолуние не достигло прежних размеров. Он был весьма впечатлен и сказал, что ученица превзошла своего учителя. В своих стихах Лалла так описывает открывшееся ей:

* * *

О бесконечное Сознание,
Наполненное до краев эликсиром!
Ты живешь в моем теле,
И я поклоняюсь только Тебе.
Умру ли я, получу новое рождение или перейду в иное
состояние – меня не заботит.

* * *

Легко читать, но трудно следовать.
Достижение Самопознания —
Тонкое и трудное.
Погрузившись в практику,
Я забыла писания
И реализовала Сознание-блаженство.

* * *

После прохождения «шести лесов»⁶
Я пробудилась к «сфере луны»⁷.
Через контроль дыхания
Я оставила привязанность к мирскому.
Я растопила сердце в огне Любви
И обнаружила Шанкару.

* * *

Я стала поглощенной священным звуком Ом,
И была сожжена, как уголь.
Оставив позади шесть путей⁸,
Я возшла на седьмой⁹ —
И затем я, Лалла, достигла обители света¹⁰.

⁶ Шесть чакр.

⁷ Седьмая чакра, брахмарандхра.

⁸ Шесть чакр – муладхара, свадхистхана, манипура, анахата, вишуддха, аджня.

⁹ Седьмая чакра, брахмарандхра.

¹⁰ Обитель света – основа, в которой возникает свет, непроявленность, ничто.

* * *

Холод превращает воду в лед и снег,
Но при распознании – это лишь вода.
Когда сияет солнце Сознания,
Множественность растворяется в единственность.
«Вселенная» – это только Шива.

* * *

Изучать святыя писания легко,
Да трудно претворить прочитанное в жизнь.
Поиск Реального не прост.
Погруженность во всматривание
Растворила последние слова.
И там меня встретила пробужденность —
Пребывание безмолвия и радости.

* * *

Ты – небо, и Ты – земля.

Ты – день, Ты – ночь,
Ты – ветер.
Ты – зерно, дерево сандала, цветы и вода¹¹.
Ты – все.
Что же мне предложить Тебе?

* * *

Я всмотрелась и обнаружила во всем Себя —
Я увидела Бога, сияющего во всем.
Через вслушивание и остановку ¹² я узрела Шиву:
Дом – это Он один, Кто есть я, Лалла.

* * *

Солнце заходит,
Сияет луна.
Луна исчезает,
Сознание остается.
Сознание исчезает,

¹¹ Все это традиционно используется в качестве подношения Богу в религиозных церемониях.

¹² Через вслушивание во внутренний звук и поглощенность в пранаву.

Остается ничто —
Физическое, духовное и метафизическое
Сливаются в Ничто ¹³.

* * *

Загрязнения моего ума были стерты, как пыль с зеркала,
И я достигла знания Себя.
Я узрела Его, пребывающего во мне:
Он – все,
Я – ничто.

* * *

Теперь я узрела текущий поток —
И больше не вижу ни берега, ни моста.
Теперь я узрела цветущий куст —
И больше не вижу ни роз, ни шипов.

¹³ Здесь описаны стадии практики контроля дыхания, где «солнце» – прана, «луна» – апана.

* * *

Труден был мой поиск Себя.

Но теперь я знаю: нет «достигшей» скрытого Знания
через усилие.

Поглощение «я» привело в обиталище нектара —
Чаши наполнены до краев,
Но некому пить.

* * *

Ни речи, ни ума,

Ни проявленного, ни трансцендентного

Нет здесь.

Йогическому безмолвию нет места здесь.

Здесь не живут ни Шива, ни Шакти.

Обнаружь то, что остается, —

Таков мой совет.

* * *

Нет ни «тебя», ни «меня»,
Ни «медитации», ни «объекта медитации».
Вседеющий забывает «Себя».
Слепой найдет это бессмысленным.
Мудрый становится одним с этим высшим состоянием.

Традиционно учения кашмирского шиваизма передавались лишь немногим избранным. Лалла стала первой женщиной, ставшей открыто говорить об этих практиках широкому кругу людей на местном языке кашмири.

Лалла критиковала элиту, впавшую в гордыню от своих достижений в области эрудиции. Их ученое знание традиции кашмирского шиваизма, как она говорила, отнюдь не гарантирует подлинное прозрение, подлинное постижение. Сама же Лалла оставила все писания позади и сосредоточилась на непосредственном переживании того, что стало лишь предметом усложнения и дискуссий у ученых мужей. Цени непосредственное переживание превыше святых доктрин, она была совершенно терпима к религиозным практикам, иным, чем ее собственная, и не относила себя ни к какой секте или религии. В своих стихах она призывает практикующих не разделять на «индуизм» и «мусульманство», поскольку истинная реальность превыше конфессиональных и сектантских разделений.

Твоя Суть может быть названа Шивой,
Кешавой, Махавирой, Лотосорожденным (или) Буддой.

Какое бы имя ни давалось,
Пусть оно освободит слабого человека, подобного мне,
От недуга связанности мирским.

Лалла также указывает на ограниченность использования
лишь внешнего поклонения, всевозможных ритуалов:

Лишенные способности распознавания
Читают религиозные писания,
Как попугай в клетке, повторяют «Рам».
Читая Гиту, ищут лишь самооправдания:
«Я читаю Гиту – я все еще читаю ее».

* * *

Это покрывает твоё тело
И защищает от холода.
Оно поддерживает жизнь травой и водой.
Кто дал тебе совет, глупый *пандит*,
Приносить в жертву живого агнца
Безжизненному камню?



Не мучь свое тело,
Лишая его еды и питья.
Когда тело истощено,
Позаботься о нем.
Откажись от своих постов
И религиозных церемоний.
Будь благожелателен к другим —
Вот настоящая духовная практика.

По легенде, однажды учитель Лаллы Шрикантха совершал омовение в реке, в то время как она чистила, но только снаружи, горшок, полный грязи, расположившись вверху по течению. Шрикантха, удивленный, спросил ее: «Как же можно очистить горшок, оттирая его только снаружи?» Лалла ответила: «Как же можно очиститься лишь омовением, не очищая мысли и чувства?»

Все, что бы я ни делала, стало поклонением Господу;
Все, что бы я ни говорила, стало молитвой;
Все, что бы ни испытывало мое тело,
Стало садханой *шайва*-тантры,
Высвечивающей мой путь к Парамашиве.

Наставления Лаллы

Царское шествие, зонт,
Колесница и трон,
Веселые пиры,
Удовольствие от театрального искусства,
Ложь из пуха хлопчатника —
Думаешь, заберешь все это с собой в могилу?
Как же ты сможешь рассеять страх смерти?

* * *

Облачись в одежды мудрости.
Запечатлей стихи Лаллы в своем сердце.
Через *пранаву* ¹⁴ Лалла была поглощена
В свет Сознания
И преодолела страх смерти.

* * *

¹⁴ Изначальный звук.

Достигшие Бытия-Сознания-Блаженства —
Освобожденные при жизни.
Запутавшиеся в сетях мирского
Невежественные завязывают сотни узлов.

* * *

Через постоянную практику
Реальность объектов преодолевается.
Мир форм и цветов внезапно
Растворяется в пустоте.
Когда пустота исчезает,
Остается безымянное Сознание.
Это мое учение, *пандит!*

* * *

Одевайся, когда холодно.
Ешь, когда голоден.
Медитируй на Себя —
Это тело скоро станет пищей лесных воронов.

* * *

Шива вездесущ.
Не проводи различия на индуистов и мусульман.
Если мудр,
Распознай истинную Суть —
Вот настоящее знакомство с Господом.

* * *

Неси ответственность за свои действия —
Другие вкушают свои собственные плоды.
Без привязанностей,
Я отношу действия лишь к Себе.
Куда бы я ни направилась – это правильно для меня.

* * *

Горькое – сладко.
Сладкое – отравляет.
Усердие и однонаправленная преданность

Приводят к окончательному достижению.

* * *

Выдержи молнию и гром.
Выдержи полночную тьму.
Выдержи перемалывающий мельничный жернов.
Если выдержишь,
Он придет к тебе.

* * *

Тот, кто убил в себе жадность, вождение и эго
И затем служит людям со смирением,
Жаждет лишь всенаполняющего Бога,
Воспринимая все иное как пыль.

* * *

Когда святыя писания отпадают,
Мантра остается.

Когда мантра отпадает,
Ум остается.
Когда ум отпадает,
Остается ничто.
Ничто сливается с Ничто.

* * *

Пусть называют меня по-всякому и поучают меня.
Пусть зовут меня, как хотят.
Пусть подносят мне цветы преданности.
Я – незатрагиваемое.
Кто же будет все это получать?

* * *

Почему ты идешь на ощупь, словно слепой?
Если мудр, обрати внимание вспять.
Шива здесь.
Нет нужды идти куда-то еще —
Поверь моим простым словам.

* * *

Под тобой яма,
Над ней ты танцуешь.
Скажи мне, моя дорогая,
Разве можно положиться на это?
Все, что собрала,
Оставь позади.
Скажи мне, моя дорогая,
Разве истинное наслаждение – это накопление?¹⁵

* * *

Не говори дураку о Знании.
Давать нектар ослу – пустая трата времени.
Не сажай семена в песок речного берега.
Не трать масло на пироги из шелухи.

¹⁵ В современном варианте это прозвучало бы: Разве истинное наслаждение – это шоппинг?

* * *

Санньяси ходит по святым местам
В поисках знания Себя.
Ум, не бросайся во все стороны,
Полагаясь на внешнее изучение, —
Трава вдалеке только кажется зеленее.

* * *

Оставь желания —
Медитируй на Себе.
Реализация трудна для достижения.
Оставь мечтания.
Это рядом —
Не ищи далеко.
Ничто сливается с Ничто.

* * *

Следуй незнанию, даже если знаешь;

Следуй невидимому, даже если видишь;
Следуй безмолвному, даже если слышишь —
Следуй незатрагиваемому.
Что бы люди ни говорили тебе, не спорь с этим.
Такая практика ведет к постижению.

* * *

Восстань, Женщина! Подготовь для обожения
Вино, мясо и изысканные лакомства.
Если познано высшее состояние,
Нарушение традиций не делает разницы.

* * *

Когда постом медитации устранены пять иллюзий
переживания¹⁶ и реализовано высшее состояние,
Нарушение традиций не делает разницы.

¹⁶ Воспринимаемое пятью чувствами как материальное.

* * *

Я могу знать, как рассеять штормовые облака,
Как осушить океан
И излечить тяжело больного,
Но никогда не знала, как вразумить дурака.

* * *

Эй ты, озабоченная своим телом!
Эй ты, занятая украшением своего тела
И использующая его для сладострастия, —
Даже пыли и пепла не останется от этого тела!

* * *

Ищи Себя в теле.
Это тело известно как обиталище Себя.
Отказавшись от жадности и привязанностей, тело
очистится
И воссияет как солнце.

* * *

Сосредоточь внимание на бессмертном.
Ум заблудится, если отвлечется.
Не бойся и будь непреклонна —
Ум, как ребенок-сосунок, беспокоится даже на
материнских коленях.

* * *

Шива подобен мельчайшей сети, раскинутой всюду,
Тонко пронизывая физический мир.
Если не видишь Его, пока жив,
Как же сможешь увидеть, когда умрешь?
Через самоисследование
Устрани «себя» с Себя.

* * *

Мир полон различий.

Если приемлешь все, будешь счастлива.
Отрешившись от гнева, ненависти и враждебности,
Узришь лик Шивы.

* * *

Бог не хочет ни твоих медитаций, ни аскетизма.
Через одну Любовь можно достичь обители блаженства.
Ты можешь быть растворена, как соль в воде,
И все еще далека от познания Бога.

* * *

Чидананда, свет абсолютного Знания,
Те, кто постиг, —
Свободная, реализованная Душа:
Неограниченная, бесконечная,
Сотни сотней раз запутывавшаяся,
Невежественная, в цикле рождений и смертей.

* * *

Будь бесстрашен, о беспокойный ум,
Вечный подумал о тебе.
Он знает, как удовлетворить тебя.
Так взывай к Нему одному за помощью —
Его Имя будет вести тебя, оберегая, на Ту сторону.

* * *

О ум, как же ты опьянен привнесенным!
Как можешь ты отклоняться от истинного и увлекаться
неистинным?
Послушай:
Ты стал захвачен привнесенным верованием
В приходящее и уходящее, рождение и перерождение, в
циклическое движение жизни и смерти.

* * *

Дух, подобно луне,

Есть сейчас, но всегда новый.
И я вижу океан в постоянном сотворении.
Освободив ум и тело, я, Лалла, тоже новая,
Каждый момент новая.
Мой учитель сказал мне только одно —
Живи сердцем.
Когда это стало так,
Я начала странствовать обнаженной
И танцевать.

* * *

Путь труден для понимания.
Лалла отказалась от книг, что толкуют о нем,
И через медитацию узрела истину,
Которая никогда не приходит лишь
от прочтения слов.

* * *

Хоть и умудрена, а будь словно дура;
Хотя и можешь видеть, а будь словно слепая;
Хотя и можешь слышать, а будь словно глухая;
Сноси все, с чем бы ни повстречалась,

Будь учтива со всеми.

Такая практика, несомненно, приведет

К реализации Истины.

Место захоронения Лаллы неизвестно. По легенде, когда она умерла, яркое пламя вырвалось наружу из ее тела и исчезло из вида.

Хвала Лалле¹⁷

*Танцуй, Лалла, облаченная лишь в воздух.
Пой, Лалла, одетая в небо!
Посмотри на этот яркий день!
Какие одежды могли бы быть
Столь прекрасны или столь священные?*

Лалла

Лалла, рожденная в Кашмире, путешествовала и пела песни, танцуя под них обнаженной. Песни лились из ее живого переживания Бога, из ее подлинной сущности, которая есть и наша подлинная сущность.

Я представляю Лаллу идущей по сельской дороге. Она осознает ясность своей беспредельной сущности, пустоту, что вмещает небо, землю и все сущее между ними. Мир, прозрачный, как чистая вода, и легче, чем воздух, танцует внутри нее. Те трепещущие на ветру листья, эти камни на сухой дороге, эта бурая земля подле лениво текущей реки – она облачается во все это как в одежды. Вечно изменчивый гардероб. Быть всего лишь одной вещью, носить свое лицо, свое тело, считая их собой, – значит не иметь больше места ни для чего еще. Но быть обнаженным, быть абсолютной открытостью существования – именно тогда мы роскошно на-

¹⁷ Из книги Ричарда Ланга «Кто ты на самом деле?». Пер. с англ. С. Федорова.

ряжены. Я вспоминаю выражение немецкого мистика Мейстера Экхарта (он умер, когда Лалле было около семи): «До тех пор пока я это или то, я не могу быть всем сущим». А еще мне приходят на ум слова английского поэта XVII века Трэгерна: «Ты не сможешь наслаждаться миром, пока само море не потечет в твоих венах, пока ты не облачишься в небеса и звезды не увенчают тебя...»

И вот, Лалла, не имея ничего на себе, ты танцуешь в ниспадающем горном потоке, в лебедях, скользящих по сверкающей водной глади, в смеющихся детях, играющих у твоих ног. И, танцуя, ты поешь, Лалла, о, как ты поешь! Восхваления разливаются из источника пустоты, из сокровенной тайны – бесконечная песнь для Бога и от Бога.

Сегодня, Лалла, я вижу твое тело во всем. Я вижу тебя в лице каждого встречного, чувствую твой вкус в напитке, что подношу к губам, слышу голос твой в потрескивающем огне и молчаливой земле, в какофонии городских улиц, в волнах, непрестанно разбивающихся о широкий берег. Звезды смотрят твоими глазами, Лалла, летящая птица бьет воздух твоими крыльями, открывший лепестки солнцу цветок – твое прекрасное лицо. Куда бы я ни посмотрел, я вижу тебя. Ты, кто вовне, пребываешь внутри, с моей стороны любой двери, в какую бы я ни постучал.

Лалла, в спонтанном движении моих собственных рук и ног во время танца я являю твой танец. Обращаясь к другому, я прикасаюсь к тебе. Снимая одежды своей внешности,

я соединяюсь с тобой.



Озеро Дал в Кашмире

Пелагия



Пелагия Дивеевская (1809–1884) Первая из трех канонизированных блаженных Серафимо-Дивеевского монастыря

В хрониках священных мировых традиций можно найти рассказы об особенном типе святых – так называемых «дураках» или «блаженных». Большинство людей считает их совершенно безумными, но способный к различению глаз видит в этих просветленных «дураках» духовных исполинов. Практически во всех основных религиях существуют такие странные, но чрезвычайно возвышенные души. В христианской традиции это «безумцы Христа ради» – «*дурачки*», «*шалые*», «*юродивые*».

Иногда очень сложно определить действительную причину их странного, явно «безумного» поведения. Они такие на самом деле или притворяются? Часто они надевают маску эксцентричности для того, чтобы стать объектом презрения, насмешек и оскорблений и практиковать таким образом глубочайшее смирение и свободу от привязанности даже к собственному доброму имени и репутации. Возможно, это самый трудный, последний урок их духовной зрелости. Однако, похоже, иногда их сумасшествие бывает непритворным. Может быть, на них оказали влияние какие-то необычные события их детства и юности, плюс генетическая предрасположенность. А может быть, дело в том, что случившаяся с человеком духовная реализация была настолько тотальной и мощной, что его восприятие и поведение стало слиш-

ком отличаться от принятых в обществе норм. А мы знаем, что «здравый смысл», на который опирается общество, совершенно не здрав с духовной точки зрения.

Те, кому посчастливилось встретить «божьих дурачков», могут засвидетельствовать, что в их присутствии ощущается огромная, невероятная сила благодати и обновления.

Давайте вспомним одну из таких блаженных душ – Пелагию Ивановну Серебренникову, урожденную Сурину, принадлежавшую к русской православной церкви. Пелагия, несомненно, была не только одной из самых эксцентричных личностей в истории духовной жизни, но и ярчайшим светочем, свидетельствующим силу Бога. Более того, она стала неофициальной преемницей Серафима Саровского (1759–1833 гг.), которого православная церковь почитает как величайшего старца – человека беспримерной доброты, аскептичности и любви к Богу, чудотворца, обладающего недюжинной духовной силой. Под его чрезвычайно благотворным влиянием появился целый ряд святых – мужчин и женщин, но самой удивительной была Пелагия, которую в народе с любовью называли «Серафимовым серафимом», то есть его ангелом. В 1937 году, спустя четыре года после «ухода» Серафима, Пелагия пришла жить в женский монастырь, основанный Серафимом для его учениц. Монастырь находился неподалеку от Дивеево, в густом лесу, почти в 460 километрах к юго-востоку от Москвы. Здесь, в крошечной убогой келье, невероятно эксцентричная, а впоследствии горячо лю-

бимая монахинями монастыря «матушка» Пелагия провела последние 47 лет своей жизни.

Несмотря на то что монахини поначалу относились к ней, как к слабоумной, Пелагия стала известна среди паломников своими дарами исцеления, яснослышания и пророчества, своей способностью встречать гонения и несправедливость с молчаливой улыбкой на лице, своим простым смирением и той странной, поразительной и даже пугающей «придурковатостью», которую многие люди считали полным безумием. В случае с Пелагией очень трудно определить истинный источник ее помешательства. Притворялась ли она, закаляя свое сердце в смирении? Определенные признаки указывают именно на это. Но также было множество поступков в ее жизни, которые заставляют предположить, что она действовала с совершенно иного плана бытия и что действия ее имели отношение к другому, более высокому, чем наше смертное царство, миру.

Пелагия родилась в 1809 году в городе Арзамасе, в 400 километрах к востоку от Москвы. Маленькая Пелагия и двое ее младших братьев узнали, почем фунт лиха, когда после смерти отца в их семье появился отчим со своими шестью детьми. Годы спустя мать Пелагии рассказывала, что в детстве (к сожалению, точная дата неизвестна) с ее дочерью приключилось что-то странное. Однажды она заболела и вынуждена была провести несколько дней в постели. Когда, наконец, Пелагия поправилась, она «...встала непохожей са-

ма на себя. Из столь умного ребенка вдруг сделалась она какой-то точно глупенькою. Уйдет, бывало, в сад, поднимет платице, станет и завертится на одной ножке, точно пляшет. Уговаривали ее и сраматили, даже и били, но ничто не помогало. Так и бросили»¹⁸.

Неизвестно, что же случилось с «исключительно умным ребенком», но, как стало очевидным впоследствии, ее предназначением было быть «дурой Бога ради».

Как бы там ни было, Пелагия повзрослела и стала очень привлекательной: «высокой, красивой девушкой с невероятно живыми, блестящими глазами». Мать стремилась скорее выдать дочку замуж, хотя свободолюбивой Пелагии идея замужества была противна. В конце концов, несмотря на ее явное помешательство, в 1828 году ее взял в жены молодой мещанин Сергей Васильевич. Должно быть, он был так очарован ею в день их знакомства и сватовства, что не обратил внимания на весьма странное поведение Пелагии, «поливавшей» из чашки цветы на ткани своего платья!

Вскоре после замужества молодая пара поехала к преподобному Серафиму Саровскому. На удивление быстро распрощавшись с мужем и матерью Пелагии, Серафим провел девушку в свою келью, где беседовал и молился с ней в течение нескольких часов. Крайне редко Серафим поступал

¹⁸ Здесь и далее по тексту цитаты взяты из «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря. Блаженные старицы Дивеевского монастыря», см. <http://serafim-library.narod.ru/LetopisSerafima/letopis-blag-staricy-1.html>

подобным образом: только с особенно многообещающими и «зрелыми» учениками. После того как они вышли из кельи, старец Серафим поклонился ей в ноги и напутствовал словами: «Иди, иди, матушка ¹⁹. Иди в Дивеево²⁰. Побереги моих сирот-то²¹. Многие спасутся через тебя, и будешь ты свет миру!»

Эта знаменательная встреча, как и многие другие события в жизни Пелагии, практически не оставляет сомнений в том, что она не была «обычной полоумной» – она была душой совершенно иного порядка, что и обнаружил Серафим – прозорливый старец, обладающий способностью видеть душу человека и читать ее словно открытую книгу.

Вернувшись после этой судьбоносной встречи в родной Арзамас, Пелагия выучилась у местной юродивой, Параскевы Ивановны, Иисусовой молитве – традиционной в Восточной православной церкви практике повторения молитвы, обращенной к Иисусу: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя...» Затем, по словам соседа очевидца, Пелагия стала проводить на коленях в молитве все ночи напролет. Ее поведение стало еще более «идиотским», что неизменно вызывало насмешки местных жителей. Разгневанный муж Сергей не раз жестоко бил ее, морил голодом и сажал на цепь. Она

¹⁹ Словом «матушка» обычно называют настоятельницу монастыря.

²⁰ Дивеево – село в Нижегородской области, где расположен основанный им монастырь.

²¹ То есть монахинь.

родила двух мальчиков: они оба умерли в совсем юном возрасте. Когда родилась дочь, Пелагия взяла ребенка и принесла его матери со словами: «Ты отдавала (замуж за Сергея), ты и нянчись теперь, я уже больше домой не приду». После этого Пелагия начала ходить от церкви к церкви, принимая подаяние и тут же раздавая его нищим или тратя деньги на церковные свечи на благо всех душ. Сергей ловил ее и бил, надеясь, что она образумится. В конце концов он отвел ее в полицию, где городничий превратил ее тело в кровавое месиво, решив, что ее поведение не вписывалось ни в какие рамки. Нужно помнить о том, что в то время ее очевидное сумасшествие однозначно трактовалось окружающими как одержимость бесами, ее мучители считали, что должны изгнать их во что бы то ни стало! Пелагия сносила все мучения молча. На следующий день после побоев городничему приснился страшный сон, в котором ему было наказано не обижать Пелагию. После этого сна он сам стал запрещать населению трогать юродивую.

После посещения знаменитой Троице-Сергиевой Лавры на Украине, куда муж отвез Пелагию лечиться, ее поведение, казалось, заметно улучшилось. Сергей даже разрешил жене вернуться из Лавры раньше него. Однако по возвращении домой он обнаружил, что жена раздала все их имущество! Тогда он приковал ее к стене железной цепью. Иногда она срывалась с цепи и полураздетая бегала по улицам. Горожане не помогали ей, пугаясь ее вида. Каждый раз, изловив же-

ну и вернув на место, Сергей избивал ее до полусмерти. Так они и жили. Позже Пелагия признавалась, что в молодые годы Сергей переломал ей все ребра.

В итоге отчаявшийся Сергей отрекся от жены и вернул ее в дом отчима, где тот снова стал ее регулярно бить. Однажды ее сводная сестра даже убедила своего друга попробовать пристрелить Пелагию. Однако парень промахнулся и, в соответствии с пророчеством Пелагии, вскоре покончил жизнь самоубийством. Ее семья предприняла еще одну попытку «исцеления»: Пелагию отправили к известному и уважаемому старцу – преосвященному владыке Воронежскому Антонию. В течение целых трех часов Антоний разговаривал с Пелагией наедине, без ее спутниц. После этого он снова направил ее к Святому Серафиму, и матери опять пришлось везти дочь к старцу в Саров. Серафим велел матери не только не наказывать и не обижать чудную дочь, но также быть к ней доброй, дабы Господь не взыскал за нее.

«Получив свободу, она по ночам почти постоянно находилась на погосте Напольной Арзамасской церкви. Здесь видали ее, как она ночи напролет молилась Богу под открытым небом с воздетыми руками, со многими воздыханиями и слезами. А днем она юродствовала: бегала по улицам города, безобразно кричала и всячески безумствовала, прикрытая лохмотьями, без куска хлеба, голодная и холодная. Так провела она четыре года, не переставая посещать свою учительницу, юродивую Параскеву, ту самую, с ранней поры учившую

ее непрестанной молитве Иисусовой».

Мать Пелагии по-прежнему пыталась пристроить дочь в какой-нибудь монастырь или дом, но все ее попытки были безуспешными. Однажды неподалеку от того места, где жила семья Пелагии, оказались по каким-то делам странницы из Дивеевского монастыря. Пелагия остановила их и привела к себе в дом. Старшая из монахинь, Ульяна Григорьевна, подошла к матери Пелагии и спросила, не отпустит ли та свою дочь с ними в Дивеево, что в Нижегородской губернии. Мать с готовностью согласилась (можно представить, как она вцепилась в эту возможность!). Как только Пелагия попала в монастырь, она тут же подошла к молодой монахине Анне Герасимовне и попросила, чтобы та стала ее прислужницей. Фактически так потом и вышло: в течение 45 лет Анна была ее ближайшей подругой, соседкой по келье и прислужницей. Но это было потом, а в тот момент настоятельница монастыря Ксения Кочеулова возмутилась такой «дерзкой выходкой» и приставила к «безумной Палаге» – как ее стали там звать – до крайности бойкую и суровую послушницу. Та часто избивала Пелагию, но, по словам очевидцев, последняя «не только не жаловалась на это, но и радовалась такой жизни».

«Она сама как бы вызывала всех в общине на оскорбления и побои себе: она по-прежнему безумствовала, бегала по монастырю, бросая камни, била стекла в кельях, колотилась головой своей и

руками о стены монастырских построек. В келье своей бывала редко, а большую часть дня проводила на монастырском дворе: сидела или в яме, выкопанной ею же самой и наполненной всяким навозом, который она носила всегда в пазухе своего платья, или же в сторожке в углу, где и занималась Иисусовой молитвой. Всегда, летом и зимой, ходила босиком, становилась нарочно на гвозди ногами и прокалывала их насквозь, и всячески старалась истязать свое тело. В трапезу монастырскую не ходила никогда и питалась только хлебом и водой, да и того иногда не было. Случалось, когда вечером проголодается и пойдет нарочно по кельям тех сестер, которые не были расположены к ней, просить хлеба, те вместо хлеба давали ей толчки и пинки и выгоняли вон от себя. Возвращалась домой, а там Матрена Васильевна встречала ее побоями».

Однако не все монахини были такими жестокосердыми. Многие из них понимали в глубине души, что она была, по крайней мере, таким же человеческим существом, как и они все, и заслуживала лучшего обращения.

После двух лет, проведенных Пелагией в монастыре, настоятельница Ксения скончалась, и на ее место заступила ее дочь – Ирина Кочеулова. К Пелагии приставили новую девушку, но на сей раз уже Пелагия стала бить ее! Тогда в услужение «безумной» привели Анну Герасимовну, которую Пелагия и хотела видеть рядом с собой с самого первого дня. Лишь только Анна Герасимовна пришла к Пелагии, та под-

скочила, схватила девушку в охапку, как маленького ребенка, поставила в передний угол на лавку, поклонилась ей до земли и сказала: «Отец Венедикт ²², послужи мне Господа ради, а я тебе во всем послушна буду, все равно как отцу». И так они поселились вместе: Пелагия, Анна и дивная старлица Ульяна Григорьевна. Деревянная их келья была среднего размера и находилась на краю Дивеевской общины, рядом с дремучим лесом. Прошло немного времени, и Ульяна Григорьевна скончалась, оставив Пелагию и Анну жить в келье вдвоем – лишь изредка к ним подсеяли какую-нибудь вторую прислужницу. Хотя странные, непонятные, эксцентричные выходки Пелагии продолжались, она, как замечает Анна, «никогда ничего не делала без притчи» – пусть даже истинный смысл ее поступков открывался много позже, если открывался вообще.

Первые десять лет Пелагия все возилась с большими камнями. «Полную келью-то натаскает их, сору-то, сору и не оберешься», – говаривала Анна. Весной и летом оставшиеся в земле после пожара ямы заполнялись водой и превращались в маленькие грязные озерца, и вот Пелагия долгое время занималась странным делом – целый день бросала кирпичи в эти грязные ямы, заполняя их.

«Повыкидав собранные кирпичи, полезет в самую-то воду чуть не по пояс, выбирает их оттуда. Выбрав, вылезет и, опять став на краю, начинает ту же проделку.

²² Одно из любопытных прозвищ, которые она дала Анне.

И так-то и делает все время службы в церкви... Да раз и говорю ей:

– Что это ты делаешь? И как тебе не стыдно!

– Я, – говорит, – батюшка, на работу тоже хожу; нельзя, надо работать, тоже работаю».

Затем грязная и насквозь промокшая Пелагия возвращалась назад в келью и проводила всю ночь в том же углу, перед иконой Богородице, в слезах и жаркой молитве, обращенной к Богу.

Иногда Пелагия себя безжалостно била до тех пор, пока не пойдет кровь. Например:

«...придумала она еще и палками свою-то работу работать. Наберет это, бывало, большущее беремья палок и колотит ими о землю изо всей-то мочи, пока всех их не перебьет, да и себя-то всю в кровь не разобьет.

И чего только она не выделывала! Отпала у нас однажды изгородная доска от прясла да вверх и торчит большущим гвоздем... Хотела убрать, а Пелагия Ивановна уж наскочила на нее и что было мочи босой ногой как ударит на гвоздь так, что насквозь ноги-то и выскочил... Я бегом уж бегу в келью-то, поскорее чем-нибудь завязать ногу-то. Гляжу, а ее уж и след простыл... Прибегает вечером. „Ну, – думаю, – слава Богу!“ – да к ноге перевязать-то, знаешь, хочу. Смотрю и глазам своим не верю: пристало землицы кое-где, а раны даже и знаку-то нет никакого. Вот так-то всегда и

бывало».

Продолжая нашу историю, нужно заметить, что эта чудная женщина редко сидела дома – ей все время нужно было куда-то бежать. Был период в ее жизни, когда она стала регулярно появляться в кабаке, расположенном в соседней деревне. Люди решили, что она – пьянчужка. Но однажды поздно ночью Пелагия, притаившаяся в укромном месте кабака, неожиданно выскочила перед хозяином заведения, направлявшимся в свою комнату, чтобы совершить давно задуманное дело – убить свою жену.

«Что ты делаешь! Опомнись, безумный!» – закричала Пелагия.

После этого случая многие стали считать Пелагию ясновидящей, и их негативное отношение к ней неожиданно исчезло. Анна говорит, что «поняв ее прозорливость, многие перестали осуждать ее, а стали почитать». В качестве еще одного примера ясновидения можно вспомнить случай, когда в 1848 году умирал ее бывший муж Сергей. Она почувствовала это и всем своим видом и движениями передала ужас переживаемой им предсмертной агонии.

Способность провидеть будущее была еще одним из божьих даров Пелагии. Так она предсказала смерть своей сводной сестры при родах дочери, знала судьбы настоятельница монастыря в Дивеево и всегда точно могла сказать, кто из родственников собирается ее навестить. (Они не навещали ее в течение семи лет, но потом, возможно из-за страха пе-

ред ее сверхъестественными способностями, стали изредка приезжать к ней. Родственники также стали давать Пелагии и Анне кое-что из вещей первой необходимости, поскольку после смерти их соседки – келейницы Ульяны – они вовсе обнищали.)

Поведение Пелагии было непредсказуемым. Однажды у нее развилась нелюбовь к замкам и дверям. Случилось это после того, как Анна, пытаясь утихомирить свою соседку, пребывающую в «особо воинственном настроении», оставила ее на какое-то время в келье запертой. После этого в течение 22 лет им пришлось жить без входной двери, независимо от того, какая погода была на улице. А ведь русские зимы – весьма суровы! Пелагия, по обыкновению, сидела и спала на полу, всегда рядом со входом в келью, так что «проходящие нередко наступали на нее или обливали ее водой, что, видимо, доставляло ей удовольствие». Даже когда нерасположенные к ней монахини или новенькие делали это нарочно, Пелагия являла собой совершенный образец Иисусовой заповеди – «возлюби врага твоего». В течение долгого времени, даже после обретения Пелагией популярности в стенах монастыря и за его пределами, «...были меж сестрами и такие, которые ее ненавидели и всячески злословили. Их особенно любила Пелагия Ивановна и старалась платить им за зло добром». (*Вспоминает Михаил П. Петров.*)

«А уж терпелива и смиренна была, удивляться лишь надо... Никого не обидит; на ногу наступят, бывало, ей,

давят вовсе, да еще стоят на ней, а она и не пикнет даже, поморщится только». (*Анна Герасимовна*)

Анна говорит, что однажды по чьей-то неосторожности у нее даже загорелись волосы – она и тогда промолчала.

«И как хочешь, бывало, ее унижай, поноси, ругай ее в лицо – она только рада, улыбается. „Я ведь, – говорит, – вовсе без ума, дура“. А кто должную лишь честь воздаст ей за ее прозорливость да назовет ее, бывало, святой или праведницей – пуще всего растрожится. Не терпела почета, а напротив, поношение любила больше всего».

Время от времени ее навещал еще один юродивый – Федор Михайлович Соловьев, также известный своей прозорливостью. Анна, на глазах которой происходили встречи этих двух «свободных существ», дает описание странного и пугающего действия, происходящего в таких случаях.

«Так уж тут и уму непостижимо, что только выделявали они вместе; страх возьмет, бывало, не знаешь куда и деться. Ульяну Григорьевну на что любила Пелагея-то Ивановна, а и та боялась их. Волей-неволей приходилось мне одной оставаться с ними. Как поднимут, бывало, они свою войну, мне уж никак не унять. Придет Соловьев, принесет чаю либо мяты, или зверобоя, что ни попало, да по-военному: „Не досаждай, – крикнет, – Анна! Ставь самовар и пей с нами“, – да еще на грех в самый-то чистый понедельник. Ну и пьем, сидя на лавочке в уголочке; сама тряской трясусь, потому что как ни сойдутся у Рождества ли на

кладбище, у нас ли в келии, оба большущие да длинные, бегают взад и вперед, гоняются друг за другом; Пелагея Ивановна с палкой, а Федор Михайлович с поленом, бьют друг друга.

– Ты, арзамасская дура, на что мужа оставила? – кричит Соловьев.

– А ты зачем жену бросил, арзамасский солдат этакий? – возражает Пелагея Ивановна.

– Ах ты, большой сарай, верста коломенская! – кричит Федор Михайлович.

И так-то идет без перерыву у них своя, им лишь одним понятная перебранка и разговор. Я сижу еле жива от страху; грешница, я думаю себе: «Ой, убьют». Ходила даже несколько раз к матушке Ирине-то Прокофьевне.

– Боюсь, – говорю, – матушка, души во мне нет, пожалуй, убьют.

А матушка-то, бывало, и скажет:

– Терпи, Аннушка, дитятко, не по своей ты воле, а за святое послушание с ними, Божьими-то дурачками, сидишь. И убьют-то, так прямо в Царство Небесное попадешь».

Пелагия «воевала» не только с приходящими к ней блаженными, но и с другими посетителями – даже с такими высокопоставленными лицами церкви, как владыка Нектарий. Пелагия предвидела, что он собирается приехать к ним в монастырь с неожиданным визитом, и даже простояла всю ночь у ворот под проливным дождем, встречая его. Однако когда

он «не по уму» решил уволить любимую сестрами настоятельницу монастыря Елизавету Алексеевну и поставить на ее место другую монахиню (уступив настояниям эгоистичного отца Иосафа), Пелагия, не побоявшись, ударила его при всех по лицу. Владыка не только не прогневался, но и начал уважать Пелагию за смелость и неукоснительное следование своему внутреннему божественному руководству.

Вскоре после случая с владыкой Пелагия потеряла всякий интерес к камням и палкам. Вместо этого она страстно полюбила цветы, растущие в саду настоятельницы монастыря Елизаветы Алексеевны, или, как ее называла Пелагия, матушки «Марии», с которой у нее всегда была взаимная симпатия. (Елизавету Алексеевну вернули на место настоятельницы после того, как, по словам первосвященника московского Филарета, «неправильное избрание Гликерии подтвердилось»). Анна так описывает трепетное отношение Пелагии к цветам:

«Сидит ли, ходит ли, сама знай их перебирает; и сколько, бывало, ей нанесут их! Целые пуки. Всюто келью затравнят ими. Тут вот она и бегать почти перестала, все больше в келье, бывало, сидит. Любимое ее место было на самом-то на ходу, между трех дверей, на полу, на войлочке у печки. Повесила тут батюшки Серафима портрет да матушкин; с ними, бывало, все и ночью-то разговоры ведет да цветов им дает. Спать она почти не спала, разве так, сидя тут же или лежа немного задремлет, а ночью, случалось, посмотришь, ее уж и нет;

уйдет, бывало, и стоит где-нибудь в обители, невзирая ни на дождь, ни на стужу, обратиться к востоку; полагать надо, молится. Больна никогда не бывала, кроме того случая, когда за три года до смерти она провела всю ночь на улице в страшнейший буран, промокнув до нитки, примерзнув к земле так, что не могла двинуться, в одном только сарафане... Судите сами: старухе ночью, девять часов кряду, на страшнейшем буране просидеть в одном сарафанишке с рубашкою; как не умерла – диво! Вот лишь с тех-то пор стала она чулки надевать; и до самой смерти никуда уж из кельи не выходила».

У Пелагии были еще две «эксцентричные» особенности: она никогда не стригла ногти и не мылась. Она позволяла тараканам ползать по себе и запрещала их убивать. Цепь, которую Сергей когда-то использовал для того, чтобы приковывать ее к стене, она теперь использовала как подушку, а то и приковывала себя цепью сама!

Иногда при виде хороших людей Пелагия испытывала огромную радость. Ее любовь к ним и Богу, являющемуся источником всякого добра, была так сильна, что у нее текли слезы – так проявлялся «дар слез», свойственный многим святым людям различных духовных традиций. В конце жизни она также пролила много слез о беззакониях и коррупции, творившихся в стране. Время от времени ее глаза даже болели и гноились от слез. Однажды Анна спросила ее:

– Что это значит, Матушка, что ты все так страшно плачешь?

– Ах, Симеон²³, – ответила она, – если бы ты только знала! Всеми миру надобно так плакать.

Часто Пелагия также лишала себя сна: «Как только все в кельях улягутся на ночь спать, Пелагия Ивановна, тоже притворившаяся, что ложится спать, вставала, становилась на молитву и молилась почти всегда до утра, тихо плакала и вздыхала на молитве и иногда в восторге духовном громко восклицала, чем и будила бывшую около нее келейницу Анну Герасимовну». (*Михаил П. Петров*)

Вдобавок ко всему, Пелагия нарушала все традиции, причащаясь лишь изредка. «Отец Серафим разрешил мне до конца моих дней», – однажды просто сказала она. Более того, она никогда не ездила на могилу к Серафиму. «Зачем это, если он здесь, всегда с нами?» И словно в доказательство этих слов, однажды ночью в 1882 году Анна стала свидетельницей того, как «ушедший» Серафим и другие обитатели небесных сфер приходили к Пелагии, чтобы причастить ее святых тайн. В один из вечеров 1884 года Анне снова довелось услышать долгий разговор между Пелагией и Серафимом. Много еще подобных историй о небесных гостях можно было бы рассказать, хотя при жизни Пелагия строго-настрого запрещала свидетелям этих случаев говорить о них кому бы то ни было. Одна из сестер однажды видела ангела Господня, дающего Пелагии хлеб для причастия. Случилось

²³ Анна родилась в праздник святого Симеона.

это вскоре после того, как сестра задалась вопросом, почему Пелагия не причащается в монастырской церкви. Одна из временных прислужниц в келье, Пелагея Гавриловна, вспоминала годы спустя:

«Это было тридцать лет назад. Проснулась я посреди ночи и увидела, как влетел ангел Господень, взял Пелагию и исчез с ней в небе, а затем снова вернул ее на место. Пелагия Ивановна лежала на полу у печки, и лицо ее было радостным и просветленным. Я подошла к ней и сказала:

– Матушка, что я видела?

– Тише, тише, не говори о том никому, – отвечала она».

Вполне предсказуемо, что крайний аскетизм и многие чудеса, сопровождавшие Пелагию, сделали ее привлекательной фигурой в глазах многих Дивеевских сестер. Отношение к ней изменилось даже у большинства ее прежних гонителей. Их проклятья сменились благословениями. И эти сестры, и толпы людей со стороны начали приходить к ней в келью: кто за советом или пророчеством, а кто и просто побыть в ее мощном, хотя и непостижимом, духовном присутствии.

Пелагия обладала поразительными способностями, включавшими в себя вышеупомянутые дары яснознания и пророчества, проявлявшимися особенно сильно, когда дело касалось определения даты смерти людей. Она также хорошо понимала человеческие сердца. «Все было ей известно». Так,

например, незадолго до смерти к Пелагии пришел священник с намерением ее исповедовать. Он приготовился было ее слушать, когда она начала методично, один за другим перечислять его собственные многочисленные грехи. После этого случая он и многие другие стали еще больше почитать Пелагию. И таким высоким стал ее статус в общине, что «ничего без нее не делалось... будь то принять кого в монастырь или выгнать. Матушка (Мария – настоятельница) ничего не делала без ее благословения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.